

М. В. Шкаровский

Храм во имя святителя Петра, митрополита Московского: вехи истории

УДК 271.2-523.4(470.23-25)-9
DOI 10.47132/1814-5574_2024_1_332
EDN COXFUF



Аннотация: Храм во имя святителя Петра, митрополита Московского, был построен в 1900-е гг. по проекту известного архитектора А. П. Аплаксина. К 1917 г. храм являлся важным центром духовной, социальной и благотворительной жизни столицы России. В советский период в храме служил целый сонм новомучеников: прот. Христофор Варфоломеев, архиеп. Гавриил (Воеводин), архим. Варлаам (Сацердотский) и др. В 1920-е гг. Петровская церковь была главным храмом знаменитого Александро-Невского братства. Церковь была закрыта в 1929 г., в ее здании разместили завод. В нач. 2000-х гг. Петровский храм возродили, и он вновь стал одним из центров духовной и благотворительной деятельности Северной столицы.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Санкт-Петербург, храм святителя Петра, советская религиозная политика, Александро-Невское братство, новомученики.

Об авторе: **Михаил Витальевич Шкаровский**

Доктор исторических наук, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.
E-mail: shkarovs@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Для цитирования: Шкаровский М. В. Храм во имя святителя Петра, митрополита Московского: вехи истории // Христианское чтение. 2024. № 1. С. 332–342.

Статья поступила в редакцию 28.09.2023; одобрена после рецензирования 24.10.2023; принята к публикации 16.11.2023.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2024

Mikhail V. Shkarovsky

The Church in the Name of St. Peter, Metropolitan of Moscow: Milestones of History

UDK 271.2-523.4(470.23-25)-9
DOI 10.47132/1814-5574_2024_1_332
EDN COXFUF



Abstract: The church in the name of St. Peter, Metropolitan of Moscow, was built in the 1900s by the famous architect Aplaksin. By 1917, the temple was an important center of the spiritual, social and charitable life of the capital of Russia. In the Soviet period, a whole host of new martyrs served in the church: Archpriest Christopher Bartholomeev, Archbishop Gavriil (Voevodin), Archimandrite Varlaam (Satserdotsky), etc. In the 1920s Peter's Church was the main church of the famous Alexander Nevsky Brotherhood. The church was closed in 1929, and its building was used as a factory. In the early 2000s, St. Peter's Church was revived, and once again it became one of the centers of spiritual and charitable activities of the "Northern Capital".

Keywords: Russian Orthodox Church, St. Petersburg, St. Peter's Church, Soviet religious policy, Alexander Nevsky Brotherhood, new martyrs.

About the author: **Mikhail Vitalievich Shkarovsky**

Doctor of Historical Sciences, Chief Archivist of the Central State Archive of St. Petersburg, Professor of the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

For citation: Shkarovsky M. V. The Church in the name of St. Peter, Metropolitan of Moscow: milestones of history. *Khristianskoye Chteniye*, 2024, no. 1, pp. 332–342.

The article was submitted 28.09.2023; approved after reviewing 24.10.2023; accepted for publication 16.11.2023.

Церковь во имя святителя Петра, митрополита Московского (Киевского), была устроена в нач. XX в. в бывшей Московской Ямской слободе при подворье существовавшего с 1887 г. Свято-Троицкого Творожковского женского монастыря в селе Творожково Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии (ныне Псковской области). В 1903 г. петербургский купец второй гильдии, домовладелец Петр Евграфович Семенов и его супруга Александра Филипповна купили пустой участок на углу Екатеринославской (современной Днепропетровской) и Роменской ул. Вскоре они обратились с ходатайством к Св. Синоду о строительстве на этом участке на свои средства «каменного дома с церковью», который затем, вместе с землей, передадут в собственность Свято-Троицкому Творожковскому монастырю, желая помочь «скудным средствами» обители (ЦГИА СПб. Ф. 678. Оп. 1. Д. 451а. Л. 27). Вместе с благотворителями о разрешении строительства ходатайствовала настоятельница монастыря игуменья Валерия, указывавшая, что «значительное пожертвование сему монастырю супругами Семеновыми немедленно отразится на благосостоянии монастыря и явится полная возможность развить просветительскую и благотворительную деятельность, состоящую ныне, вследствие малой обеспеченности, в ограниченных размерах».

Условием финансирования строительства со стороны Семеновых было устройство их семейного склепа в храме, где они после смерти могли бы обрести вечный покой. Это желание дарителя противоречило санитарным правилам, по которым захоронения были разрешены лишь на кладбищах, и потребовало длительных согласований. В связи с этим строительные работы начались только через восемь лет, после того как 3 июля 1911 г. было получено Высочайшее одобрение императором Николаем II. В том же 1911 г. П. Е. Семенов пожертвовал Творожковскому монастырю участок земли.

В 1867 г. и в последующие годы Семеновы проживали в доме на Загородном пр., 38, с сер. XIX в. Петр Евграфович являлся владельцем ленточного и пуговичного заведения. Позднее, в кон. XIX — нач. XX вв., он фигурирует в качестве хозяина строений на Фурштатской ул., д. 46–48 (где и проживал с семьей), и лавки в Апраксином дворе (№ 53, торговля пуговицами). Кроме того, в 1910-е гг. Семенов владел шестью домами на Петергофском шоссе общей стоимостью в 2073 руб. Семейство также занималось торговлей вещами для офицеров, продавая им нашивки, позумент и другие мундирные аксессуары (Ф. 820. Оп. 1. Д. 35. Л. 278 об. — 279; Весь Петербург, 1903, 594; Весь Петербург, 1911, 801).

14 января 1911 г. Св. Синод указом № 576 разрешил устроить храм при подворье Творожковского монастыря (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 105. Д. 17. Л. 2). Храм и комплекс каменных зданий при нем строился на средства Семеновых около полутора лет (1911–1912) по проекту петербургского епархиального архитектора, гражданского инженера Андрея Петровича Аплаксина. 17 (30) июля 1911 г. состоялась торжественная закладка храма во имя свт. Петра, митрополита Московского (Киевского), и св. царицы Александры (так тогда планировалось освятить церковь в честь небесных покровителей жертвователей) при подворье Свято-Троицкого Творожковского монастыря. В близлежащем храме св. Иоанна Предтечи была отслужена Божественная литургия, а после ее завершения из храма вышел крестный ход с хоругвями, иконами и крестами, возглавляемый первым викарием Санкт-Петербургской епархии епископом Нарвским Никандром (Феноменовым), и направился к месту закладки нового храма в сопровождении большого количества верующих. При пении монахинь Бежецкого монастыря было совершено молебствие, а затем чин закладки храма в присутствии обоих жертвователей — супругов Семеновых, настоятельницы Творожковского монастыря игуменнии Валерии, главного архитектора храма А. П. Аплаксина и других приглашенных лиц. «Масса молящихся сопровождала церковную процессию», — отмечалось в газете «Петербургский листок», репортер которой присутствовал на закладке храма. Газета поместила рисунок строящегося храма, сделанный, очевидно, с проекта главного архитектора. Церковь, по отзыву репортера, строилась в «древнерусском стиле» и была рассчитана на тысячу молящихся (в действительности на 600 человек) (Русский паломник. 1911. № 33. С. 527; Петербургский листок. 1911. 17 июля).

К концу 1912 г. постройка подворья завершилась. Правый (южный) придел во имя Пресвятой Троицы был освящен 2 (15) декабря 1912 г., а 24 марта 1913 г. был освящен главный придел во имя свт. Петра, митрополита Московского (Киевского), в честь небесного патрона благотворителя. Внутреннее убранство главного придела храма отличалось сочетанием строгости и суровой простоты беленых стен с великолепием пятирусного резного иконостаса и было выдержано в стилизованном древнерусском стиле. Чтимой иконой на подворье был привезенной с Афона образ Божией Матери «Скоропослушница» [Антонов, Кобак, 2010, 363; Шульц, 1994, 106].

Следует упомянуть, что сам П. Е. Семенов не дождался этих событий. Он скончался в 1912 г. и был отпет в Спасо-Преображенском соборе, вблизи которого жил (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2676). Похоронен благотворитель был в семейном склепе, устроенном на нижнем этаже Петровской церкви, в отличие от своей жены, скончавшейся уже в советский период. После смерти мужа Александра Филипповна продолжала жертвовать средства на достройку Петровского храма, при этом она до 1918 г. проживала в принадлежащем ей доме по адресу: Фуриштадтская ул., 48 (и владела домами на Петергофском шоссе) (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 2676. С. 614), а затем, после его национализации, переселилась на Творожковское подворье.

После завершения строительных работ, согласно изначальному желанию жертвователей, отраженному еще в прошении 1903 г., весь комплекс зданий вместе с землей был передан в собственность Свято-Троицкому Творожковскому женскому монастырю. Уже в кон. 1912 – нач. 1913 гг. в келейный корпус заселилось около 10 монахинь и послушниц. Настоятельницей подворья обители на Роменской ул. была назначена пятая по счету начальница Творожковского монастыря игуменья Валерия (Васильева).

8 января 1913 г. строительница подворья А. Ф. Семенова написала прошение митрополиту Санкт-Петербуржскому и Ладожскому Владимиру (Богоявленскому), в котором говорило: «На пожертвованной мною и покойным моим мужем П. Е. Семеновым Творожковскому женскому монастырю в Петрограде земле, угол Роменской и Екатеринославской улиц, устроено мною подворье названного монастыря, и уже освящено два алтаря устроенной церкви. Для отправления богослужения в церквях подворья необходимо учредить особый штат причта, а посему покорнейше прошу Ваше Высокопреосвященство войти в Святейший Синод с ходатайством об открытии при Свято-Троицкой церкви устроенного мною подворья штатной вакансии священника с предоставлением ему жалования из местных средств по 1200 рублей в год» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 105. Д. 17. Л. 1).

В тот же день владыка написал резолюцию: «Заготовить представление Святейшему Синоду», и 10 января было отправлено соответствующее представление. 13 февраля Синод по указу императора Николая II постановил открыть при церкви штатную вакансию священника (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 105. Д. 17. Л. 2–3). 8 июля 1913 г. Св. Синод, заслушав вопрос о приписке церкви Творожковского подворья к одному из столичных благочиннейших округов, постановил причислить ее к благочинию I столичного округа, как находящуюся в приходе Крестовоздвиженской церкви в Ямской слободе. 23 июля Духовная консистория исполнила постановление, направив указ благочинному прот. Александру Владимирскому (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 105. Д. 17. Л. 4–5).

Подворье имело значительный доход, часть которого использовалась на содержание Творожковского монастыря. Так как игуменья Валерия большую часть времени пребывала в обители, для руководства текущими хозяйственными делами на подворье была назначена заведующая, ее обязанности по очереди исполняли опытные монахини. К 1918 г. в келейном корпусе проживали 35 монахинь и послушниц, которые периодически менялись.

Первым священником, назначенным в феврале 1913 г. на служение в Свято-Петровском храме, был отец Константин Михайлович Митропольский [Храм свт. Петра, 2012, 11–12]. Отец Константин оставался настоятелем Свято-Петровского храма до своей скоропостижной кончины в 1919 г. (Весь Петроград, 1917, 454). 31 марта 1915 г. священником на диаконской вакансии в храм свт. Петра, митрополита Московского, был

назначен переведенный из Творожковского монастыря отец Иоанн Петрович Тихомиров. Ставший 10 мая 1917 г. штатным священником храма, он служил на Петроградском подворье обители до июля 1921 г. [Санкт-Петербургский мартиролог, 2017, 492]. 23 ноября 1915 г. в храм на вакансию псаломщика был назначен диакон Сергей Дмитриевич Федоров (Известия по Петроградской епархии. 1914. № 8; 1915. № 50; 1917. № 34).

Жизнь на столичном подворье Свято-Троицкого Творожковского монастыря только начинала налаживаться, когда летом 1914 г. вспыхнула Первая мировая война. Ко времени начала Февральской революции 1917 г. настоятельницей Творожковского подворья на Роменской ул. по-прежнему была игумения Валерия (Васильева), в храме свт. Петра служили три члена причта: настоятель свящ. Константин Митропольский, второй свящ. Иоанн Тихомиров и диак. Сергей Федоров (Весь Петроград, 1917, стб. 425).

После Октябрьского переворота в связи с требованиями советских властей церковь Творожковского подворья в феврале 1919 г. была преобразована в приходской храм, а «церковный инвентарь» передан в пользование приходскому совету (двадцатке), который был «избран для ведения церковно-приходских дел и заведования храмом и церковным имуществом». В состав избранного на общеприходском собрании совета вошел 21 член и 3 кандидата. В отличие от последующих периодов, в то время среди них подавляющее большинство составляли мужчины (19 человек). В число пяти избранных женщин входила проживавшая в келейном корпусе на Роменской ул., 12, казначей монахиня Марионилла (Петрова). Председателем приходского совета выбрали А. И. Королева, секретарем — М. А. Андреева. 25 февраля 1919 г. состав совета был утвержден городскими властями (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 4. Л. 234–235).

В соответствии с их требованиями 17 сентября 1921 г. двадцатка вновь представила для перерегистрации в отдел управления Петроградского губисполкома тот же список членов приходского совета. Его подписали А. И. Королев в качестве председателя и временно исполняющий обязанности секретаря В. З. Павлов. Это письмо рассматривалось больше двух месяцев, и наконец 29 ноября последовала резолюция: «Возможно перерегистрировать» (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 4. Л. 233).

Однако полностью связь Свято-Петровской церкви с Творожковским монастырем не прерывалась вплоть до его закрытия, и на подворье еще около 10 лет продолжали жить монашествующие, некоторые из них входили в состав периодически переизбираемого приходского совета. Следует отметить, что с 1919 г. во всех официальных документах и в воспоминаниях современников храмовый комплекс начал именоваться Свято-Троицкой церковью, по названию бокового придела (и самого монастыря). В феврале 1919 г. игумения Валерия в ответ на запрос благочинного монастырей Петроградской епархии архим. Макария отправила отчет о деятельности подворья на Роменской ул., в котором отмечала, что на нем живут заведующая монахиня и 34 послушницы — все грамотные, с домашним образованием. В храме подворья было три придела, также имелись колокольня и часовня. Подворье имело только церковный доход, часть которого использовалась на содержание Творожковского монастыря (ЦГИА СПб. Ф. 678. Оп. 1. Д. 451а. Л. 27–27 об.).

В это время в храме продолжал служить о. Константин, однако, несмотря на молодость, здоровье его пошатнулось под грузом обрушившихся испытаний, и через два года после начала революционных событий, в 1919 г., он заболел воспалением легких и к сентябрю скоропостижно преставился ко Господу. Его молодая вдова, оставшись одна с двумя малолетними дочерьми, была вынуждена скитаться по родственникам в поисках пропитания, так как на работу ее не брали как жену священника и выпускницу Смольного института. В конце концов, чтобы прокормить дочерей, ей удалось по протекции пристроить их в детский дом и тем самым спасти от голодной смерти. Полностью воссоединиться с детьми Ольга Дмитриевна смогла лишь в 1930-е гг., а скончалась она в годы блокады в Ленинграде [Храм свт. Петра, 2012, 14–15].

После смерти о. Константина настоятелем с сер. 1919 г. около двух лет служил свящ. Иоанн Тихомиров, возведенный в связи с этим в сан протоиерея. Вторым священником Свято-Петровского храма был назначен иерей Иоанн Егоров. 17 сентября

1919 г. члены причта и заведующая подворьем монахиня Сергия обратились с ходатайством к священномученику митрополиту Петроградскому и Гдовскому Вениамину (Казанскому) с прошением из-за невозможности отопления верхнего храма вследствие отсутствия дров разрешить временно служить литургию в трапезной на первом этаже на переносном антиминсе, взятом из верхних приделов — Пресвятой Троицы или свт. Петра. Члены причта отмечали, что будут совершать в нижнем храме две литургии: одну — «в усыпальнице, где похоронен строитель храма» П. Е. Семенов, а вторую — в трапезной. Священники также просили разрешения служить литургию в трапезной без подписи игуменни Валерии, так как «попасть в Творожково» или получить ее письменное согласие сейчас невозможно (вблизи монастыря шли боевые действия между белыми и красными). 21 сентября митрополит поставил резолюцию: «Благословляется устроить временную церковь в трапезной и служить на переносном алтаре» (ЦГИА СПб. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1203. Л. 26).

Богослужения в помещении трапезной начались, однако вскоре, 5 ноября, к митр. Вениамину обратились с прошением члены приходского совета Свято-Петровской церкви. Они писали, что единогласно пожелали совершить полное освящение престола в трапезной во имя свт. Николая Чудотворца и просили дать на это благословение. 10 ноября владыка написал в резолюции, что разрешает провести освящение и назначает для этого дату 8 декабря (ЦГИА СПб. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1203. Л. 1).

Таким образом, главный придел нижнего храма был освящен 25 ноября (8 декабря) 1919 г. лично митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином во имя свт. Николая Чудотворца в помещении, которое ранее использовалось под трапезную (в нем молились в холодную погоду). В том же году южный придел нижнего храма освятили во имя равноап. великой княгини Ольги.

В июле 1921 г. прот. Иоанн Тихомиров был назначен настоятелем церкви свт. Николая Чудотворца Быстреевского погоста вблизи Творожковского монастыря и покинул Петроград. Вместо него был назначен новомученик прот. Христофор Варфоломеев, который прослужил настоятелем Свято-Петровского храма почти 10 лет, вплоть до его закрытия в 1930 г.

15 июля 1922 г., значительно позднее, чем в большинстве других храмов города, основная часть риз и богослужебных предметов из драгоценных металлов была изъята. В архиве сохранилась опись изъятых из Творожковского подворья церковных ценностей, из которой можно судить, насколько богато было дореволюционное внутреннее убранство церкви. Всего было изъято «25 риз разного размера, у одной золотой венчик, у одной 88 бриллиантов и 21 зеленый и красный камень, 5 Евангелий в серебре, 3 потира серебряных, 3 диска серебряных, 3 лжицы серебряные» и еще множество предметов. Оставлено было лишь «три сосуда с принадлежностями и 16 предметов», причем за них верующими был собран выкуп весом 14,85 фунтов (около 7,5 кг) (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 128. Л. 196); [Храм свт. Петра, 2012, 17–18].

В итоговом акте комиссии по изъятию церковных ценностей 1-го городского района от 25 июля отмечалось, что в Творожковском подворье «изъятие церковных ценностей произведено полностью». 8 августа 1922 г. районная комиссия переслала акт об изъятии ценностей из храма подворья в центральную городскую комиссию (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 128. Л. 199 об., 204).

Кампания по изъятию церковных ценностей была развернута властями на фоне инспирированного ими же и набиравшего силу раскольнического «обновленческого» движения. Ко 2-й пол. 1923 г. лишь не более десятка из действовавших на то время 123 церквей города не были захвачены обновленцами. Среди этих десяти оплотов канонического православия была и Троицкая церковь Творожковского подворья.

12 июня 1923 г. обновленческое Петроградское епархиальное управление (ПЕУ) приняло постановление об увольнении настоятеля Свято-Троицкого (Петровского) храма и назначило на его место прот. Николая Соколова. «Во исполнение сего Соколов 9 и 12 июня являлся в церковь Творожковского подворья для богослужения, но в этом ему воспрепятствовали представители прихода». Более того, двадцатка

обжаловала требования ПЕУ у Петроградского губернского прокурора А. Розенберга, и тот 14 июля известил приходской совет о незаконности принятого постановления, с указанием, что «действия ПЕУ по удалению настоятелей из церквей и по назначению на их место своих настоятелей, а равно предъявление церквам требований через благочинных о взносах сборов и налогов является не законмерным» (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 107. Д. 153. Л. 36).

Следует отметить, что Свято-Троицкий (Петровский) приход давно вызывал раздражение советских властей и его хотели закрыть еще весной 1923 г., когда в городе началось массовое закрытие храмов при монастырских подворьях, в соответствии с циркуляром отдела управления Петроградского губисполкома от 21 марта, «в случае если помещение храма составляет с помещением подворья одно целое». 20 апреля 1923 г. комиссия в составе нескольких представителей городских властей и специалистов провела технический осмотр зданий Творожковского подворья, составив специальный акт, подписанный техником Н. Токмачевым. Два жилых каменных трехэтажных корпуса с деревянными мансардами, а также здание церкви были оценены в общей сумме в 16 883 руб., при этом храм только в 875 руб. В акте было указано, что в зданиях имелись печное отопление, электроосвещение, водопровод в хорошем состоянии, канализация также находилась в порядке, подвалы были сухими и т.п. В тот же день Н. Токмачев составил сохранившийся в архиве план зданий подворья (ЦГА СПб. Ф. 3201. Оп. 2. Д. 29. Л. 38–40).

В акте обследования также указывалось, что все имевшиеся в жилых корпусах восемь квартир заняты жильцами. Из 30 проживавших людей трое были служащими, двое рабочими и 15 — «свободных профессий» (ЦГА СПб. Ф. 3201. Оп. 2. Д. 29. Л. 38). Тот факт, что храмовое здание подворья имело отдельный вход, а также то обстоятельство, что в келейном корпусе проживали и были официально зарегистрированы советские служащие и рабочие (в основном, прихожане храма), позволило отстоять Свято-Петровскую церковь от закрытия. Известно, что в келейном корпусе подворья нашла себе приют после революции 1917 г. гонимая вдова главного жертвователя на строительство храма купца П. Е. Семенова — Александра Филипповна.

Позднее, через шесть лет, это обследование здания Свято-Петровской церкви использовали как предлог для ее закрытия. В частности, в заключении административного отдела Леноблисполкома от 18 ноября 1929 г., переданном в президиум Ленсовета, говорилось: «В апреле месяце 1923 г. комиссией, созданной для обследования подворья, было установлено, что последнее составляет одно целое с жилым домом; в помещениях проживали не только монахи, но и жильцы дома; ЖАКТа не было, а вся работа выполнялась игуменьей подворья; приходно-расходные книги были общие, и таким образом суммы церковные и домовые не представлялось возможным разграничить. Заключение комиссии подворье было признано, как имеющее тесную связь с жилыми помещениями, подлежащим закрытию и передаче в Р[айонный] К[оммунальный] О[тдел], но ввиду того, что особо острой нужды в то время в помещениях не ощущалось, церковь была временно оставлена в пользовании группы верующих, и ей было указано произвести капитальный ремонт, то есть заделать все проходы, соединяющие церковь с жилыми помещениями, что и было подтверждено потом президиумом Володарского райсовета от 12/VI-23 г.» (ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 50. Л. 7–7 об.).

Из этого документа видно, что игуменья Валерия (Васильева), высленная в 1922 г. по суду из Творожковского монастыря, некоторое время проживала на Петроградском подворье и руководила всеми его хозяйственными делами. Решением районных властей дело не ограничилось: 14 июля 1923 г. президиум Петроградского губисполкома, заслушав акты обследования Творожковского и еще пяти монастырских подворий, внесенные губернским отделом управления, постановил: «Считая, что церкви: Шестаковского, Валаамского, Коротского, Творожковского, Пекинской духовной миссии, Федоровского монастырских подворий, должны бы быть по точному смыслу декрета СНК об отделении церкви от государства — ликвидированы, но, принимая

во внимание, что в настоящий момент нет особой нужды в использовании помещений их под общественные нужды, — оставить их во временном пользовании групп верующих при условии обязательной заделки капитальными стенами всех проходов, соединяющих церкви с жилыми помещениями» (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 323. Л. 11).

Вскоре это требование было выполнено, и коридоры, ведущие в храм из келейного и настоятельского корпусов, пришлось перекрыть стенами. Однако церковь продолжила свое существование, в отличие от большинства храмов монастырских подворий Петрограда, которые оказались закрыты, а некоторые и уничтожены.

1923 г. можно назвать началом самого значимого периода в истории преобразованного в приход Творожковского подворья, когда на семь лет его храм стал одним из важнейших духовных центров православия в Северной столице. В том году сюда перешло знаменитое Александро-Невское братство. До этого в течение года братству пришлось перемещаться из храма в храм, по мере захвата власти в епархии обновленцами, пока в сентябре 1923 г. оно наконец не перешло в Петровскую церковь Творожковского подворья. В тот период братство возглавил молодой, богословски образованный иеромонах Варлаам (Сацердотский).

Почти одновременно в Петровском храме начал служить архиеп. Гавриил (Воеводин). В конце 1923 г. он был выслан из Челябинска на родину — в Ленинград, где стал приходить на церковные службы, проводимые Александро-Невским братством на Творожковском подворье, вначале как простой богомolec. Затем владыка был официально приписан к Петровской церкви.

Позднее, когда в 1932 г. архиеп. Гавриил оказался арестован по делу Александро-Невского братства, он сообщил, что «Братство по защите святынь Александро-Невской лавры» было организовано в 1918 г. при митр. Вениамине в ответ на призыв Поместного Собора 1917–1918 гг. защищать православные храмы и святыни от большевиков. С 1922 г. оно представляло из себя организацию общин тайно монашествующих, а сам он, не являясь непосредственным участником братства, с 1923 по 1930 гг. с перерывами служил в церкви Творожковского подворья.

Одна из его духовных дочерей позднее писала об этом периоде жизни владыки: «В подворье, где он служил и руководил всем, служба была совершенно исключительная, строго уставная. Пение было очень красивое, какое-то бодрое, радостное. Все это производило на душу глубокое впечатление, незабываемое. Молилось в этой церкви легко. Один батюшка нам, после того как однажды сослужил владыке, рассказывал: „Стоит это он как младенец, веселый такой, молится так радостно и бубенчиками своего облачения поигрывает и позванивает“. Владыка часто говорил о покаянии, но покаяние у него никогда не было уныло, оно всегда соединялось с радостью» [Храм свт. Петра, 2012, 36–37].

Важные воспоминания о том, как проходили службы на Творожковском подворье при Александро-Невском братстве в сер. 1920-х гг., оставил профессор Н. А. Мещерский: «Первый раз я увидел братское богослужение в 1924 году в Страстной четверг. Это произошло после того, как закрыли малую университетскую церковь. <...> Я... пошел на Творожковское подворье, где служил Владыка Гавриил и пело братство. Я попал туда после 6-го Евангелия на Блаженны. Исполнялись Блаженны с канонархом (всего два дня в году, когда Блаженны исполняются на утрени). У меня сложилось общее впечатление, что здесь поют не так, как в других церквях... Второй раз я попал на братскую службу в Фомино воскресенье; накануне Фомина воскресенья я был на Творожках. Меня тогда поразило очень многое — у них было совсем не то, что мы ожидали от Пасхальной службы. Во всех церквях просто повторяли Пасхальную службу, а здесь совсем другое — строго по уставу служба недели о Фоме... И с тех пор я стал регулярно бывать на Творожковском подворье, где тогда трудилось братство. Мое пребывание в братстве длилось восемь лет — с 1924 по 1932 год. В 1924 году в декабре я принял посвящение в стихарь, получил степень чтеца — посвящал меня епископ Гавриил... В течение этих лет я принимал активное участие в богослужении, т. е. пел, читал, канонаршил, иподьяконствовал... так было

до 1928 года. При всем том я сначала кончил Университет, потом был в аспирантуре» [Храм свт. Петра, 2012, 37–38].

Между тем гонения на Церковь усиливались. В 1924–1925 гг. продолжились аресты наиболее активных членов братства, наказания ужесточились, однако деятельность братства не затухла, а наоборот, начала оживляться, так как стали возвращаться из ссылки его духовные руководители. Сначала, в конце 1924 г., — иером. Лев и архим. Гурий (Егоровы), а в марте 1925 г. — еп. Иннокентий (Тихонов) [Храм свт. Петра, 2012, 38].

Согласно существовавшим тогда правилам регистрации, еп. Иннокентий был приписан к храму свв. Бориса и Глеба на Синопской набережной, куда он перевел часть братства и братский хор с Творожковского подворья, однако Троицкая церковь по-прежнему оставалась основным храмом Александро-Невского братства. Там продолжали служить о. Христофор и архиеп. Гавриил, а для совершения братского чина богослужения был создан второй братский хор.

После ареста в 1927 г. архим. Гурия духовное руководство братством вновь взял на себя архим. Варлаам. Он же окормлял общину сестер на Конной ул. и оба братских хора на Творожковском подворье, где он вновь служил с 1928 по 1930 г. вместе с архиеп. Гавриилом. В это время архимандрит продолжал числиться в составе братии Александро-Невской лавры.

27 июня 1927 г. представители советских властей провели техническое обследование зданий подворья и храма, причем особых претензий у них не было, все содержалось в хорошем состоянии.

Помимо продолжавшейся в стенах Творожковского подворья деятельности Александро-Невского братства, не прерывалась полностью и его связь с Творожковским монастырем, хотя формально монастырь уже не мог владеть никакой собственностью, тем более в другом городе. Так, как уже говорилось ранее, в Творожково и его окрестности вернулся служить о. Иоанн Тихомиров, в нач. 1920-х гг. служивший на подворье в Петрограде. Активная братчица Вера Николаевна Киселева, член общины сестер на Конной ул., приняла в кон. 1925 г. монашеский постриг в Свято-Троицком женском Творожковском монастыре и до 1928 г. была счетоводом монастырской трудовой артели, одновременно исполняя обязанности регента хора братства на подворье. В 1928 г. монастырская сельскохозяйственная артель в Творожкове была ликвидирована, а в 1931 г. закрыт Свято-Троицкий храм обители.

В сентябре-октябре 1929 г. на ряде инспирированных властями общих собраний рабочих и служащих Октябрьской железной дороги, завода имени Аврова, лакокрасочного и лесопильного заводов Жилсоюза, Ленжета № 7 и Госметра были вынесены постановления о немедленном закрытии храма и использовании его под «детский очаг» железнодорожного узла Октябрьской железной дороги. После проведения этих собраний президиум Володарского райсовета вынес постановление — ходатайствовать перед Ленсоветом о закрытии Свято-Петровской церкви и передаче ее помещения Октябрьской железной дороге для культурно-просветительских нужд. В заключении административного отдела Леноблисполкома от 18 ноября 1929 г., переданном в президиум Ленсовета, предлагалось поддержать это ходатайство (ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 50. Л. 7–7 об.).

В качестве предлога для закрытия храма использовалось его обследование специальной комиссией в апреле 1923 г. При этом советские власти сознательно не учли тот факт, что содержащееся в акте обследования требование о перекрытии стенами проходов, ведущих в церковь из келейного и настоятельского корпусов, было выполнено в том же году и храм уже больше шести лет являлся полностью изолированным от жилых помещений.

Заслушав соответствующие документы, президиум Ленсовета 18 ноября 1929 г. постановил (протокол 31, пункт 134): «Принимая во внимание, что Свято-Троицкое Творожковское подворье бывшего женского монастыря на углу Роменской и Екатеринославской улиц имеет общее помещение с храмом, что в помещении кроме монахинь

живут частные граждане, причем приходно-расходные церковные и домовые — книги и суммы общие, и, что, согласно циркуляра от 21/III-29 г. за № 248, таковые подворья должны быть ликвидированы, а также учитывая постановление общего собрания рабочих Октябрьской железной дороги, и то, что нужды верующих смогут быть удовлетворены ближайшими церквями аналогичного течения, согласиться с постановлением Володарского райсовета, договор с двадцаткой указанного подворья расторгнуть, церковь закрыть с использованием здания под культурно-просветительные нужды Октябрьской железной дороги» (ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 50. Л. 9).

Однако возглавляемые прот. Христофором Варфоломеевым прихожане решили бороться за свой храм, и его двадцатка 18 декабря подала жалобу об отмене постановления о закрытии в высшую инстанцию — президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК). На время рассмотрения этого ходатайства ленинградским властям пришлось оставить Свято-Петровскую церковь действующей.

19 декабря президиум Володарского райсовета переслал жалобу двадцатки вместе с докладной запиской районного инспектора по делам культов Анной Иосифовной Леопольдовой (которая особенно ратовала за закрытие храма) и актом технического обследования зданий подворья и храма от 27 июня 1927 г. в административный отдел Леноблисполкома, а тот, в свою очередь, 22 декабря 1929 г. переправил эти документы в президиум Ленсовета (ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 50. Л. 14, 15).

Рассмотрение дела не затянулось, поскольку все храмы бывших монастырских подворий подлежали безусловному закрытию, его исход был predetermined. 5 февраля 1930 г. секретариат председателя ВЦИК отправил в Ленинград сообщение, что президиум ВЦИК отклонил просьбу верующих, и «постановление президиума Ленсовета вступает в законную силу» (ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 50. Л. 28).

14 февраля отделение административного надзора Ленсовета переслало этот ответ в райисполком «для исполнения и объявления заинтересованным лицам» (ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 50. Л. 27). Храм свт. Петра, митрополита Московского (Пресвятой Троицы), закрыли 22 марта 1930 г., накануне празднования Пасхи (по другим сведениям — в апреле 1930 г., на четвертый день Пасхи). Судьба его помещений некоторое время оставалась неопределенной. Так, в служебной записке начальника отделения административного надзора от 24 ноября 1930 г. относительно церкви на Роменской ул. было указано: «Здание передано райздравотделу» (ЦГА СПб. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 50. Л. 46). Однако эта передача, вероятно, была только формальной и кратковременной.

7 марта 1931 г. Ленинградский областной отдел жилищного хозяйства обратился в президиум Ленсовета с отношением, в котором писал, что Книжная палата занимает помещения жилого типа площадью 1350 кв. м на наб. Фонтанки, д. 20, и, учитывая острый жилищный кризис, может быть переселена в бывшую Троицкую церковь площадью 1300 кв. м, которая в настоящее время, согласно постановлению президиума Володарского райсовета, предназначена к передаче кооперативу «Пролетарий» под столовую. В письме отмечалось, что имеется принципиальное согласие Ленинградского отдела народного образования на перевод Книжной палаты, и поэтому целесообразно отменить решение районных властей и передать здание церкви в распоряжение Областной комиссии по размещению учреждений (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 67. Д. 81. Л. 161).

25 марта отдел жилищного хозяйства попросил ускорить разрешение этого вопроса, но 4 апреля 1931 г. секретариат Ленсовета постановил: «Предложить ТПО и Октябрьской железной дороге до 1-го июня приступить к работам по приспособлению здания бывшей Троицкой церкви под столовую; если к работам до 1-го июня приступлено не будет — передать здание бывшей Троицкой церкви в ведение Облжилотдела» (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 67. Д. 164. Л. 70).

Вероятно, столовая «Пролетария» была открыта, так как Книжная палата в здание храма не переехала. Однако проработала столовая недолго. В 1932 г. здания подворья на несколько десятилетий передали заводу «Гидравлик», который занимал храм и кельи вплоть до начала 1990-х гг.

К 1939 г. были разобраны шатровые завершения церкви и четыре малых барабана с луковичными главками; крыльца, кокошники-щипцы и кровля оказались перестроены, уничтожено внутреннее убранство в древнерусском стиле и отделка фасадов. Верхнюю часть колокольни, отступив на полтора метра от яруса звона, демонтировали, проемы звонницы частично заложили. Настенные росписи (фрески) оказались утрачены безвозвратно, так как их не просто закрасили, а полностью сбили со стен вместе со штукатуркой. Таким же образом была уничтожена майолика.

Здание храма подверглось варварской перестройке для нужд завода, получив дополнительные перекрытия внутри основного объема. На образовавшихся этажах организовали цеха, установили заводское оборудование и станки. В главном алтаре церкви были устроены душевые для рабочих, а напротив размещены туалеты. В дальнейшем в советское время подворье, помимо завода, занимали различные учреждения.

7 сентября 1993 г. Малый совет Санкт-Петербургского городского совета народных депутатов принял решение об объявлении памятниками истории и культуры объектов градостроительства и архитектуры Санкт-Петербурга — подворья Свято-Троицкого Творожковского женского монастыря с церковью св. митрополита Петра и жилыми корпусами по адресу: Роменская ул., 10–12 / Днепропетровская ул., 15 (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 64. Д. 664. Л. 77, 115). С октября 1993 г. в храме возобновились молебны. Петровскую церковь вернули верующим в 1994 г.

Источники и литература

Источники

1. Весь Петербург (1903) — Весь Петербург 1903 г. СПб., 1903.
2. Весь Петербург (1911) — Весь Петербург 1911 г. СПб., 1911.
3. Весь Петроград (1917) — Весь Петроград 1917 г. Пг., 1917.
4. Известия по Петроградской епархии. 1914. № 8; 1915. № 50; 1917. № 34.
5. Петербургский листок. 1911. 17 июля.
6. Русский паломник. 1911. № 33.
7. ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1000. Оп. 7. Д. 32; Оп. 67. Д. 81; Д. 164; Ф. 1001. Оп. 7. Д. 4; Оп. 107. Д. 153; Ф. 3201. Оп. 2. Д. 29; Ф. 7383. Оп. 1. Д. 50; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 128; Оп. 64. Д. 664.
8. ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 19. Оп. 105. Д. 17; Оп. 127. Д. 2676; Ф. 678. Оп. 1. Д. 451а; Д. 1203; Ф. 820. Оп. 1. Д. 35.

Литература

9. Антонов, Кобак (2010) — Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга. СПб., 2010.
10. Санкт-Петербургский мартиролог (2017) — Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2017.
11. Храм свт. Петра (2012) — Храм святителя Петра митрополита Московского на Роменской улице. СПб., 2012.
12. Шульц (1994) — Шульц С. С. Храмы Санкт-Петербурга (история и современность). СПб.: Глаголь, 1994.